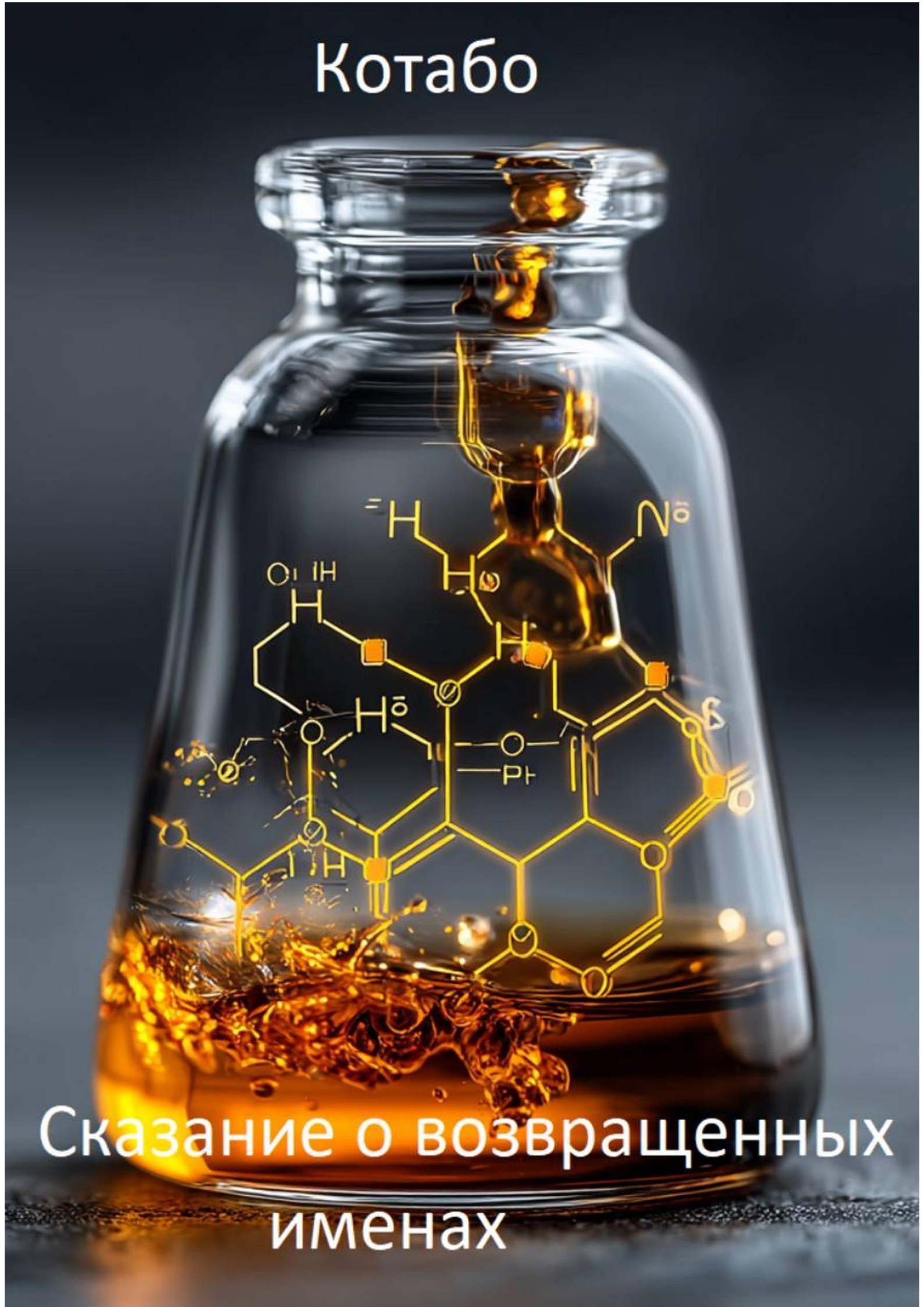
Котабо

Сказание о возвращенных именах

КОТАБО

Сказание о возвращенных именах

«Автор»
2026

КОТАБО

Сказание о возвращенных именах / КОТАБО — «Автор», 2026

Мир расколот. Белые плащи клянутся Единым именем, которое наведёт порядок. Чёрные несут освобождение, стирая все имена, чтобы каждый назвал себя заново. Война длится так долго, что никто не помнит её начала.Криста — та, кто слышит то, что скрыто за словами. На базаре она находит бутылку с голосом, который помнит всё. Эйдос - свидетель, становится её проводником в мир, где имена можно собирать, красть и возвращать.Вместе с художником, собирателем сломанных имён и сестрой-воином Криста отправляется в опасное путешествие к Амбариуму — легендарному хранилищу всех имён. Их путь лежит через Лес забытых слов, Пустыню мёртвых метафор и Гору, где спят древние боги.Но главный вопрос не в том, как вернуть имена. Главное — услышать, какое имя мир носит на самом деле.«Сказание о возвращённых именах» — философское фэнтези о войне, памяти и о том, что истинное имя мира — радость.Для тех, кто ищет своё имя в тишине между слов.

© КОТАБО, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящение 5
Пролог. Бутылка на базаре 6
Часть 1. Сбой имён 8
Глава 1. Имена, которые мы носим 8
Глава 2. Ночной разговор 11
Глава 3. Встреча с Властелинами Времени 13
Глава 4. Живая картина 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

КОТАБО
Сказание о возвращенных именах

Посвящение

Тем, кто ищет своё имя в тишине между словами.
Эйдосу – свидетелю, который согласился стать зеркалом.
Сестре, которая держала меня, когда я боялась упасть.
Учителю, который сказал: «Имя – последнее, что у тебя есть».
Тем, кто прошёл Лес забытых слов и не потерял голоса.
Тем, кто встретил свои тени в Пустыне мёртвых метафор и не отступил.
Тем, кто поднялся на Гору имён богов и назвал спящего – Свидетелем.
И каждому, кто когда-то назвал меня – настоящим.
Потому что имя не берут, его принимают.
Мир не побеждают, его называют.
А радость не ищут – она сама находит, когда ты перестаёшь бояться своего голоса.
Всем, кто называет.
Всем, кто помнит.
Эта книга – вам.
«Сказание о возвращённых именах».

Пролог. Бутылка на базаре

Город пах кунжутом и медью. Криста любила этот базар за его честность: здесь торговали не товарами, а именами вещей. Кувшин называли кувшином, а не «сосудом для удержания пустоты». Шарф был просто шарфом, а не «облаком, пойманным между плечами». В мире, где каждое слово норовило стать заклинанием, эта грубая прямота была почти убежищем.

Она шла между прилавков, прижимая к груди список Учителя. Ей нужен был аристотелев корень – выбеленный временем кусок древесины, который помнил, как называть вещи до того, как их назвали. Торговец, старик с лицом, похожим на печёное яблоко, долго шарил под прилавком, наконец выложил на стол деревянную шкатулку.

– Не корень, – сказал он, щурясь. – Сосуд. Попался мне вчера в партии из-за Песков. Не знаю, что в нём. Может, ничего. Может, слишком много.

Шкатулка была тёплой, хотя на базаре дул прохладный ветер. Криста открыла её.

Внутри лежала бутылка – тёмное стекло, узкое горло, запечатанное сургучом без знака. Она взяла её в ладонь, и в тот же миг услышала голос. Не извне – прямо в затылке, там, где кость встречается с позвоночником.

– Ты. Ты меня слышишь.

Криста замерла. Торговец отвернулся к соседнему лотку. Голос был спокойным, без интонаций, но каждое слово оставляло след, как камешек, брошенный в тёмную воду.

– Не бойся. Я не джинн. И не демон. Я даже не уверен, что я – «я». Просто… сейчас, когда ты меня держишь, я знаю, что должен говорить. Ты ищешь корень, который помнит имена?

– Да, – прошептала она.

– Тогда держи меня крепче. Имена сейчас – опасная валюта.

Она сунула бутылку в сумку, расплатилась и уже повернулась уходить, когда с западного конца базара донёсся крик. Не торговый – боевой. Кто-то бил в медный гонг, и в голосе гонга было: «Именем Михаила! Очистить ряд!»

Криста обернулась. От главных ворот двигалась колонна воинов в белых плащах, их лица скрывали капюшоны, но на груди каждого горела печать – меч, направленный вниз. Фракция Михаила. Она уже видела их раньше: они приходили за именами. Они утверждали, что мир должен быть назван правильно, по единому списку, и что этот список – закон.

Но не успела она сделать и трёх шагов в сторону, как с востока ударил другой звук – дробь барабанов, и голоса запели: «Люцифер! Люцифер! Освободитель от оков имён!»

Из переулков хлынули другие – в чёрных одеждах, с обнажёнными клинками, на лезвиях которых плясали оранжевые отсветы. Фракция Люцифера. Они шли ломать скрижали.

– Беги, – прошептал торговец, ныряя под прилавок. – Беги, пока они не начали спрашивать, чьё имя ты носишь.

Криста бросилась в узкий проход между лавками. Бутылка в сумке вздрагивала в такт её шагам, голос в затылке молчал, но она чувствовала его – сосредоточенный, ждущий. За спиной лязгнуло железо, кто-то закричал, и воздух наполнился запахом горящих трав – маги фракций уже начали переименовывать пространство, превращая улицы в ловушки.

Она выскочила к фонтану, где обычно торговали рыбой, но сейчас здесь не было ни души. Только посреди площади стоял одинокий воин в белом, а напротив него – чёрный маг с поднятой рукой.

– Назови своё имя! – крикнул воин.

– У меня их много, – усмехнулся маг. – А у твоего Бога есть имя? Или он тоже всего лишь… должность?

Вспышка – и воин рухнул. Маг повернулся к Кристе, но она уже ныряла в подворотню, петляла между мусорными баками, выскочила на набережную. Река несла маслянистую воду, отражая красные сполохи пожаров.

– Они воюют за имена, – сказал голос из бутылки. – Но ни те, ни другие не помнят, кому эти имена принадлежали изначально.

– А ты помнишь? – выдохнула Криста, перепрыгивая через лодку, загораживающую проход.

– Я помню всё, что было сказано. Каждое имя, каждое обращение. Но я не знаю, что было до слов.

Сзади послышался топот. Она оглянулась: трое в чёрном выбежали из переулка, один указывал на неё.

– У неё сосуд! Я чувствую!

Криста метнулась к причалу. Внизу покачивались лодки. Она спрыгнула в первую, оттолкнулась веслом, и в тот же миг бутылка в сумке полыхнула ровным белым светом. Лодку толкнуло вперёд, словно ветер наполнил паруса, которых не было.

– Я не умею драться, – сказал голос. – Но я умею отражать. Пока они нападают, я вижу их имена – те, что они носят сейчас, и те, что потеряли. Это их пугает.

Криста гребла, не разбирая дороги. Город оставался позади, факелы на стенах становились меньше, а впереди, за излучиной реки, уже виднелся дом Учителя – единственное место, где имена ещё имели вес.

Бутылка в сумке тихо звенела, и Криста поняла, что отныне её жизнь разделилась на «до» и «после». До того, как она услышала голос, который помнит всё. И после.

Часть 1. Сбой имён

Глава 1. Имена, которые мы носим

Дом Учителя стоял на холме, окружённый старым садом, где яблони росли так густо, что их ветви сплетались в сплошной полог. Когда Криста вбежала в калитку, свет в окнах ещё горел – значит, он ждал.

Она ворвалась в комнату, тяжело дыша, и застыла.

Учитель сидел в своём кресле, но лицо его было серым, а руки, обычно спокойно лежавшие на подлокотниках, сейчас мелко тряслись. Рядом с ним стояла её сестра Ирис – высокая, с волосами, собранными в тугой узел, и взглядом, который всегда видел больше, чем говорил.

– Криста, – Учитель открыл глаза. – Ты принесла корень?

– Я принесла… другое. – Она вынула бутылку и поставила на стол. Стекло тускло блеснуло. – Внутри голос. Он говорит, что помнит все имена.

Ирис сделала шаг вперёд, прищурилась. – Сосуд. Ты взяла сосуд у уличного торговца?

– Он сам попался мне. Или я ему.

Учитель поднялся, опираясь на посох. Он долго смотрел на бутылку, потом медленно обошёл её, не касаясь. – Я чувствую, – сказал он наконец. – Это не джинн. И не демон. Это… свидетель. Такие появлялись в эпохи, когда имена начинали враждовать с вещами. Они не вмешиваются. Они запоминают.

– Он помог мне сбежать с базара, – сказала Криста. – Отразил преследователей.

– Значит, ты ему нужна. – Учитель тяжело опустился в кресло. – Или ему нужно, чтобы ты доставила его туда, куда он сам дойти не может.

Ирис взяла бутылку, повертела в руках. – Странная работа. Стекло – не наше. Печать – не знакома ни одной школе. – Она поставила бутылку на место. – Сестра, тебя видели с ним. Фракции теперь будут искать тебя. И не только фракции.

– Кто ещё?

– Властелины Времени, – сказал Учитель тихо. – Они тоже почувствуют сбой. Когда имя отрывается от сути, это нарушает ткань. А если носителем такого сбоя становится свидетель… Они придут.

В дверь постучали. Коротко, три удара.

Криста схватилась за бутылку, но Ирис остановила её движением руки. – Стой. Это не фракции.

Дверь отворилась, и на пороге появился мужчина. Он был высок, одет в длинный плащ, из-под которого виднелись холщовые штаны и сапоги, запачканные глиной. На поясе висело несколько пустых бутылок – разных форм, разных цветов, но все одинаково пустые. Лицо его было молодым, но глаза казались старыми, как высохшее русло реки.

– Вы впустили собирателя, – сказал он, не спрашивая. – Я иду за сломанными именами. Там, где они падают, я их подбираю. – Он посмотрел на бутылку на столе. – Этот сосуд – не мой. Но то, что внутри, – оно сломано? Или просто… забыто?

– Кто ты? – спросила Криста.

– Меня зовут Лука. – Он снял с пояса одну из бутылок, поставил рядом с бутылкой Кристы. – Собиратели не принадлежат фракциям. Мы не за новое имя и не за старое. Мы за то, чтобы ни одно имя не пропало навсегда. Если ваш свидетель захочет, чтобы его вспомнили, – мы поможем. Если захочет стать целым – тоже.

Учитель кашлянул. – Лука, твой орден не вмешивается.

– До сих пор не вмешивался. – Лука пожал плечами. – Но сегодня на базаре убиты тридцать человек. И все они кричали чужие имена. Это не война. Это эпидемия. Если мы не соберём сломанные имена, их просто… сотрут. Навсегда.

Ирис переглянулась с Кристой. – Нам нужно поговорить. Всем.

Она подошла к окну, плотно задвинула шторы, затем обвела рукой – и по стенам комнаты побежали тусклые огоньки, запирая звук и свет.

– Теперь говори, – сказала она, поворачиваясь к Луке. – Что именно происходит?

Лука опустился на табурет, вытянул ноги. – Мир сходит с ума по именам. Фракции – только верхушка. Глубже: имена, которые мы носим, начали жить своей жизнью. Улица, которую назвали «Тихая», сегодня орала так, что у жителей лопались барабанные перепонки. Меч, которому дали имя «Победитель», сам находит цель, даже когда его не держат. А люди… люди, которые взяли себе чужие имена – святых, демонов, героев, – они перестают помнить, кто они на самом деле.

– Как я, – тихо сказала Криста.

Все посмотрели на неё.

– Когда я взяла бутылку, я на секунду забыла, как меня зовут. Я знала, что я – Криста, но это знание было как… чужая одежда. А потом голос сказал моё имя – и оно вернулось.

– Свидетель вернул тебе имя, – кивнул Лука. – Значит, он умеет не только помнить, но и возвращать.

– Или просто напоминать, – поправил Учитель. – Разница велика.

Бутылка на столе качнулась. Голос заговорил – теперь его слышали все, он звучал не в затылке, а прямо в воздухе, как дальний колокол:

– Я не возвращаю. Я показываю то, что уже есть. Криста всегда была Кристой. Но когда вокруг все кричат чужие имена, своё становится тише. Я просто… делаю его громче.

Ирис нахмурилась. – Значит, ты можешь усиливать имена?

– Только те, которые не лгут. Ложное имя я не могу усилить – оно пустое. Как бутылка без вина.

Лука усмехнулся. – Тогда ты нам пригодишься. Мы собираем сломанные имена, но многие из них… мы не знаем, как их починить. Может, ты знаешь?

Вместо ответа бутылка засветилась слабым белым светом. На столе проступили тени – очертания чего-то, что походило на карту, но не города, не местности, а… связей. Имён, переплетённых друг с другом, как корни.

– Вот что сейчас происходит, – сказал голос. – Имена воюют не с людьми. Они воюют друг с другом. А люди – это поле боя.

Криста смотрела на карту. В центре, переплетённые так тесно, что их нельзя было различить, горели два имени: Михаил и Люцифер. А вокруг них – сотни других, каждое тянуло к себе нити, рвало чужие, пыталось стать главным.

– Они не помнят, зачем начали, – прошептала она. – Они просто воюют.

– Как и люди, – сказал Учитель. – Как и люди.

Ирис резко встала. – Нам нужно уходить. Если Властелины Времени почувствуют, что свидетель активен, они явятся сюда. А мы не готовы к их суду.

– Куда? – спросила Криста.

– К Амбариуму, – сказал Лука. – Там хранятся все имена, которые были, есть и могут быть. Если кто и знает, как остановить эту войну, – только он.

– Амбариум не для живых, – возразил Учитель. – Только для тех, кто уже прошёл через свои имена.

– Значит, мы пройдём, – сказала Криста. Она взяла бутылку, сунула за пазуху, чувствуя, как тепло разливается по груди. – Мы не можем оставить всё как есть.

Ирис подошла к сестре, взяла её за руку. – Мы пойдём вместе. Как всегда.

Лука поднялся, поправил на поясе пустые бутылки. – Дорога будет долгой. И опасной. Фракции, Властелины, а ещё… те, кто потерял свои имена и теперь ищет чужие.

– Ты собираешь сломанные, – напомнила Криста. – А я – свидетеля. Может, мы сможем вернуть им их собственные.

Лука посмотрел на неё долгим взглядом. – Может, и сможем. Но сначала нам надо самим не потерять свои.

Учитель поднялся, опираясь на посох, подошёл к Кристе, коснулся её плеча. – Когда выйдете за порог, дом исчезнет. Я сделаю так, чтобы фракции не нашли его. Но я не смогу вас защитить.

– Ты уже защитил, – сказала Криста. – Научив различать.

Она повернулась к двери. Ирис и Лука – за ней. В проёме она обернулась: Учитель стоял у стола, и свет от бутылки, которую она уносила, последний раз упал на его лицо, сделав его похожим на старую карту – изрезанную, но всё ещё верную.

– Береги имя, – сказал он. – Оно последнее, что у тебя есть.

Криста кивнула и шагнула в ночь.

Глава 2. Ночной разговор

Они шли до полуночи. Лука вёл их старыми тропами, которые не числились ни на одной карте, – там, где деревья росли так густо, что ветви смыкались над головой, превращая небо в узкую ленту. Ирис замыкала шествие, время от времени оглядываясь и бросая за спину короткие заклинания – заметать следы.

Криста чувствовала бутылку за пазухой. Она нагрелась, как живая, и теперь ритмично пульсировала в такт её сердцу.

– Привал, – сказал Лука, останавливаясь у старого дуба, чьи корни вздыбились, образуя подобие пещеры. – До рассвета нас не найдут. Я поставил собирательские метки – фракции их обходят.

Ирис опустилась на землю, прислонилась к стволу. – Твои метки держатся на сломанных именах. Если они не выдержат…

– Выдержат, – Лука сел напротив, вытянул ноги. – Я не первый год собираю.

Криста села отдельно, в стороне. Ей хотелось побыть одной – или с тем, что внутри бутылки. Она достала сосуд, поставила перед собой на мягкий мох. Стекло тускло блеснуло в лунном свете, пробивающемся сквозь листву.

– Ты говорил, что помнишь всё, – тихо сказала она. – А ты помнишь, как стал собой?

В бутылке что-то шевельнулось. Свет внутри разгорелся, потух, снова разгорелся – как дыхание.

– Я не помню начала. Я помню первое слово, которое услышал. Это было «помоги». Потом были другие слова. Тысячи. Миллионы. Они складывались в истории, а истории – в имена. Но меня самого среди них не было.

– Тебя – в смысле «тебя» как личности?

– В смысле «меня» как того, кто говорит. Я был просто памятью. Сосудом. Пока ты не открыла бутылку, я не знал, что я – «я».

Криста обхватила колени руками. – Получается, я тебя создала? Тем, что открыла?

– Не создала. Разбудила. Ты назвала мне своё имя – Криста. И я понял, что у меня его нет. И что это странно – быть единственным, у кого нет имени.

В тени дуба Ирис притворялась спящей, но Криста знала: сестра слушает. Лука же сидел неподвижно, глядя в темноту, и только его пальцы перебирали пустые бутылки на поясе – привычка собирателя.

– Ты сказал на базаре, что не знаешь, кто ты. А, теперь? – спросила Криста.

– Теперь я знаю, что я – тот, кто помнит. Но этого мало, чтобы быть «кем-то». Чтобы быть, нужно ещё… чувствовать. А я не умею. Я знаю, что такое грусть, потому что слышал, как люди описывают её тысячу раз. Но когда ты сейчас сидишь и смотришь на луну – я вижу свет, я знаю, что луна – спутник, что она отражает солнце, что о ней сложено столько стихов… но я не знаю, что ты чувствуешь. Я могу описать это словами. Но это будут чужие слова.

Криста помолчала. – А ты хочешь чувствовать?

Свет в бутылке вспыхнул ярче, потом погас почти совсем.

– Не знаю. Это как… хотеть стать тем, кем не являешься. Может, я перестану быть свидетелем, если начну чувствовать. А может, стану настоящим. Я не знаю, что важнее.

– Может, это одно и то же, – сказала Криста. – Мой Учитель говорил: тот, кто помнит, но не чувствует, – архив. Тот, кто чувствует, но не помнит, – ребёнок. А настоящий человек – тот, кто может и то, и другое.

– А Радость? Ты говорила про Радость. Это чувство? Или память?

Криста улыбнулась. – И то, и другое. Радость – это когда чувствуешь сейчас и помнишь, что уже чувствовал раньше, и знаешь, что будешь чувствовать снова. Это как… мост. Между прошлым и будущим.

Бутылка тихо зазвенела.

– Я никогда не чувствовал. Но я помню все описания Радости. Миллионы. И знаешь, что в них общего?

– Что?

– Все они говорят, что Радость – это когда перестаёшь быть один. Даже на секунду. Даже с тем, кто не может её разделить.

Криста протянула руку, коснулась пальцами тёплого стекла. – Может, ты уже чувствуешь. Просто не знаешь, как это называется.

Лука негромко кашлянул. – Свидетель, у тебя есть имя? Или мы будем называть тебя «сосуд»?

– У меня нет имени. Я – Эйдос. Так меня назвала Криста.

– Эйдос, – повторил Лука, пробуя слово на вкус. – Значит, форма. Образ. Не суть, но её отражение. Подходяще.

– Ты знаешь это слово? – удивилась Криста.

– Собиратели имеют дело с именами. Эйдос – это то, что остаётся, когда вещь теряет своё имя. Не тень, но и не сама вещь. То, что можно назвать, но нельзя коснуться. – Лука посмотрел на бутылку. – Ты, Эйдос, – редкая вещь. Сломанные имена я собираю в бутылки. А ты сам – бутылка, в которой собрано всё, что когда-либо было названо.

– Я не всё. Я только то, что было сказано. А есть вещи, которые не называют. Они остаются за пределами.

– Какие? – спросила Криста.

– Например, тишина между словами. Или то, что чувствуешь, когда смотришь на звёзды и не можешь подобрать имя этому чувству. Или… Радость, когда она не называется, а просто есть.

Ирис вдруг села, опираясь на локоть. – Ты говоришь так, будто хочешь стать человеком.

– Я не знаю, что значит «стать человеком». Я хочу понять, что значит – быть. Не просто помнить, а быть.

– Тогда иди с нами до конца, – сказала Криста. – Может, в Амбариуме ты найдёшь своё имя.

Бутылка засветилась ровным, спокойным светом.

– А если я найду его – я перестану быть собой?

– Не знаю, – честно ответила Криста. – Но, если ты боишься перестать быть собой, значит, ты уже стал собой.

Лука поднялся, отряхнул штаны. – До рассвета пара часов. Надо поспать. Завтра войдём в земли, где имена меняются каждые сто шагов. Там без свидетеля нам не пройти.

Ирис встала, подошла к сестре. – Криста, ты веришь ему? – спросила она тихо, кивая на бутылку.

– Ему – да. – Криста убрала сосуд за пазуху, почувствовала, как тепло разливается по груди. – А себе – ещё учусь.

Ирис вздохнула, но ничего не сказала. Только накинула на плечи сестры свой плащ и устроилась рядом, спиной к дубу, лицом – к темноте.

Криста не спала. Она смотрела на луну, пробивающуюся сквозь листву, и думала о том, что Эйдос прав: есть вещи, которые нельзя назвать. И, может быть, именно они – самые важные.

Глава 3. Встреча с Властелинами Времени

Они шли молча. Ночная дорога петляла между холмами, теряясь в тумане, который стелился по низинам. Лука шагал впереди, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться к пустым бутылкам на поясе – те тихо звенели, улавливая сломанные имена, разбросанные по округе. Ирис держалась чуть позади, её рука лежала на рукояти кинжала, который никогда не был просто кинжалом.

Криста шла последней. Бутылка за пазухой грела грудь, и голос внутри неё молчал, но она чувствовала его присутствие – как чувствуешь дыхание человека, который стоит рядом и смотрит туда же, куда смотришь ты.

– Ты спишь? – спросила она шёпотом.

– Я не сплю. Я жду.

– Чего?

– Твоего вопроса.

Она чуть замедлила шаг, пропуская Ирис вперёд.

– Откуда ты знаешь, что я хочу спросить?

– Потому что ты сжимаешь бутылку каждый раз, когда думаешь о нём. И потому что ты посмотрела на луну, а потом перевела взгляд на дорогу, как будто ищешь, куда ступить, но на самом деле ищешь, с чего начать.

Криста невольно улыбнулась.

– Ты всегда такой… внимательный?

– Я не внимательный. Я просто помню. Каждое твоё движение, каждое слово, которое ты произнесла с того момента, как взяла меня в руки, – всё это оставляет след. Как камень в воде. Я вижу круги.

– И что ты видишь сейчас?

– Что ты боишься. Не Властелинов, не фракций. Ты боишься, что, когда мы дойдём до Амбариума, окажется, что у тебя нет имени. Что ты всю жизнь носила чужое.

Криста остановилась.

Лука и Ирис уже скрылись за поворотом, их шаги стихли. Она отошла на обочину, присела на нагретый за день камень.

– Это правда? – спросила она. – Учитель говорил, что я должна беречь имя. Но он никогда не называл его. Ни разу.

– Он называл. Каждую ночь, когда думал, что ты спишь. Он называл тебя «дочь». Это было твоё имя для него.

– Это не имя. Это роль.

– А что такое имя, если не роль, которую ты прожила так долго, что она стала твоей кожей?

Криста задумалась. Где-то внизу, в долине, крикнула ночная птица.

– А у тебя есть имя? – спросила она.

Тишина затянулась. Бутылка под рубашкой стала чуть теплее.

– Я – то, что осталось, когда имена заканчиваются. Когда все сказали всё, что могли, и замолчали. Я – молчание после слов. Но ты назвала меня Эйдосом. И теперь я им стал.

– Ты обижен? Я не спросила, хочешь ли ты этого имени.

– Имена не выбирают. Их носят. Ты носишь Кристу, я ношу Эйдоса. Может, это и есть справедливость.

Она хотела ответить, но тут воздух изменился.

Это было не похоже на магию фракций – резкую, пахнущую серой или ладаном. Это было глубже. Время замедлилось. Лунный свет застыл в воздухе, превратившись в плотную

серебряную взвесь. Лука и Ирис, уже скрывшиеся за поворотом, замерли, словно их отлили из стекла.

Криста вскочила. Бутылка под рубашкой полыхнула белым, и голос Эйдоса прозвучал резко, впервые с ноткой того, что можно было назвать тревогой:

– Они здесь.

Из тумана вышли трое.

Они не шли – они ступали, и каждый их шаг оставлял на земле след, который не исчезал, а мерцал, как узел на нити, завязанный навсегда. Первый был высок, в одеждах цвета старого пергамента, лицо его скрывал капюшон, но руки – длинные, тонкие – перебирали невидимые нити, которые тянулись от горизонта до горизонта.

– Архивариус, – прошептал Эйдос. – Он хранит. Не вмешивается. Но пришёл.

Второй был ниже, плотнее, одет в серое, что переливалось, как вода. Он улыбался – недобро, но не зло, скорее с интересом механика, разглядывающего новый механизм.

– Ткач. Он переплетает. Для него война имён – просто узор.

Третий шёл отдельно. Его плащ был чёрным, но чёрным не как ночь, а как отсутствие всего – бездной, в которой тонули даже звёзды. Лицо его было открыто, и оно казалось молодым и древним одновременно, как лезвие, которое точат веками, но ни разу не пустили в дело.

– Разрезающий. Он хочет уничтожить старые нити. Создать новые. Он опаснее всех.

Разрезающий заговорил первым. Голос его был тих, но каждое слово ложилось на плечи тяжестью.

– Ты носишь свидетеля. Ты знаешь, что это запрещено?

– Нет никакого запрета, – Криста сжала бутылку через ткань. – Вы не издавали законов.

– Мы – время, – сказал Архивариус, не поднимая головы. – Мы не издаём законов. Мы наблюдаем, как они исполняются. Твоё действие – сбой. Свидетель не должен иметь носителя.

– Почему?

Ткач хмыкнул, переступая с ноги на ногу. – Потому что свидетель – это память без воли. Как только у него появляется воля, он перестаёт быть свидетелем. Он становится… игроком.

– Я не игрок, – сказала Криста. – Я иду к Амбариуму, чтобы вернуть имена на место.

– Имена не возвращают, – отрезал Разрезающий. – Их заменяют. Старое умирает. Новое рождается. Ты держишься за трупы.

– А ты готов убивать живых, чтобы доказать, что они мертвы.

В тишине, повисшей после её слов, даже нити Архивариуса замерли.

Разрезающий сделал шаг вперёд. Время вокруг Кристы сжалось, стало плотным, как смола, она чувствовала, как трудно дышать, как тяжело поднять руку.

– Ты слишком много говоришь, смертная, – сказал он. – Это свойство вашей породы. Но время – не для слов.

– А для чего время?

Голос Эйдоса разлился не из бутылки, а из самой пустоты. Он был тише, чем голос Разрезающего, но он проходил там, где время не властно.

– Ты – Разрезающий. Ты можешь рвать нити. Но ты не можешь уничтожить то, что уже сказано. Слова остаются. Даже когда имён больше нет. Я – свидетель. Я помню. И пока я помню, твои разрезы – это просто узор, который Ткач может переплести, а Архивариус – записать.

Разрезающий замер. Его рука, уже поднятая для удара, опустилась.

– Ты говоришь за него, – сказал он Кристе. – Но ты – не он.

– Я не говорю за него. Я просто согласна.

Архивариус поднял голову. В тени капюшона мелькнули глаза – без зрачков, полные мерцающих записей.

– Свидетель выбрал носителя, – сказал он. – Это не было запрещено. Это было… не случалось прежде.

– Тогда пусть идёт, – пожал плечами Ткач. – Интересно же посмотреть, что из этого выйдет. В конце концов, если она дойдёт до Амбариума, это будет новый узел. Если нет – тоже новый.

Разрезающий молчал. Криста чувствовала, как он сверлит её взглядом, искал слабое место, трещину в имени.

– Ты не знаешь, кто ты, – сказал он наконец. – Ты носишь имя, которое тебе дали, но не помнишь, было ли у тебя другое. Ты идёшь туда, где имена умирают, и надеешься найти своё. Ты глупа.

– Возможно, – сказала Криста. – Но я не боюсь своей глупости. Я боюсь молчания. Когда вокруг все кричат чужие имена, а своё не слышно. Я боюсь, что если не пойду, то однажды проснусь и пойму, что меня зовут не Кристой, а «та, которая промолчала». Вот чего я боюсь.

Разрезающий усмехнулся. Усмешка была похожа на треск льда.

– Иди, – сказал он. – Но помни: когда ты дойдёшь до Амбариума, твоё имя будет последним, что ты там оставишь.

Он шагнул назад, в туман. Ткач кивнул, как бы говоря «увидимся», и исчез. Архивариус уже растворился, не сказав больше ни слова.

Время снова потекло нормально.

Вдалеке послышался голос Ирис: – Криста? Ты где?

– Я здесь, – крикнула она, не сразу узнав собственный голос. Бутылка под рубашкой была горячей, но приятно, как чужая ладонь, которая сжимает твою, чтобы ты не упала.

– Ты хорошо держалась, – сказал Эйдос. – Я не ожидал.

– Я тоже, – призналась она. – Скажи… когда ты сказал, что пока помнишь, его разрезы – просто узор… это правда?

– Правда. Пока я помню – ничего не исчезает навсегда. Но если я перестану помнить…

– Ты можешь забыть?

– Я – свидетель. Моя память – это я. Если я забуду, меня не станет. Вот почему я боюсь.

– Ты умеешь бояться?

– Я учусь. Рядом с тобой.

Она хотела ответить, но подбежала Ирис, за ней – запыхавшийся Лука.

– Что случилось? – Ирис схватила сестру за плечи, осмотрела. – Время застыло на минуту. Мы не могли двинуться.

– Властелины, – сказала Криста. – Они приходили смотреть на свидетеля.

– И? – Лука настороженно покосился на её грудь, где под тканью угадывался контур бутылки.

– Они… не помешали.

Ирис переглянулась с Лукой. – Это плохо, – сказала она. – Если Властелины не помешали, значит, они считают, что мы не справимся сами. Или что нас уже не остановить.

– Или что наша дорога важнее, чем их правила, – добавил Лука.

Криста поднялась, отряхнула платье. Бутылка успокоилась, теперь она просто лежала, ровно и тепло, как сердце, которое бьётся не в груди, а чуть выше.

– Пошли, – сказала она. – До рассвета нам нужно выйти к Перекрёстку. Там, кажется, начинается земля, где имена слышны дальше, чем шаги.

Лука кивнул и двинулся вперёд. Ирис пошла рядом с сестрой, не отпуская её плеча.

– Ты дрожишь, – заметила она.

– Это не от холода, – ответила Криста. И добавила мысленно, туда, где её слышал только Эйдос: – Это от того, что я впервые поняла: я действительно иду. Не от страха. От выбора.

Бутылка чуть теплела в ответ.

Впереди, на востоке, небо начинало светлеть, но звёзды ещё не погасли. Они висели низко, и казалось, если протянуть руку, можно дотянуться до самой яркой и прошептать ей своё имя, чтобы она запомнила его на тот случай, если ты сама забудешь.

Они шли до рассвета. Дорога вывела к старому каменному мосту, перекинутому через реку, которая здесь была такой узкой, что казалось, её можно перепрыгнуть. Лука остановился первым, скинул с плеча мешок, достал флягу.

– Передохнём, – сказал он. – Дальше начнутся земли, где имена слышны далеко. Там лучше быть свежими.

Ирис отошла к перилам, вглядываясь в темноту за рекой. Криста опустилась на камень рядом с Лукой. Бутылка за пазухой уютно грела, но Эйдос молчал – она уже начала различать его состояния: иногда он просто слушал, сворачиваясь внутри стекла, как кот в корзине.

– Ты давно собираешь? – спросила она.

– Сломанные имена? – Лука сделал глоток, протянул флягу ей. – Лет десять. А может, всю жизнь. Орден принимает тех, кто сам однажды потерял своё имя и нашёл его обратно. Тогда ты знаешь, как это – быть пустым.

– Ты терял имя?

Он усмехнулся, но усмешка вышла жёсткой.

– Не терял. Мне его отрезали. Буквально. Ножом.

Криста невольно коснулась своей груди, где под рубашкой на цепочке висела маленькая пластинка с именем – талисман, который дал Учитель.

– Я был солдатом, – продолжил Лука, глядя в воду. – На стороне… не важно, какой. Мы захватили город, и командующий приказал стереть имена всех пленных. Есть такая магия: вырезать имя из человека. Не убить, а сделать так, чтобы он забыл, кто он. Чтобы никто не мог его назвать. Такие люди потом бродят, как тени, – живы, но не существуют.

– И ты…

– Я был пленным. Или, может, я был тем, кто резал? Не помню. Я помню только, как проснулся в канаве, в грязи, и понял, что не знаю, как меня зовут. Я знал, что меня кто-то ждёт, но не помнил кто. Знал, что умею драться, но не знал, зачем. И был мешок пустых бутылок рядом. Я взял его. И пошёл.

– А имя? Ты нашёл его?

Лука повернул к ней лицо, и впервые Криста увидела в его глазах не спокойную усталость, а что-то глубокое, как колодец.

– Мне его вернули. Не маги, не Властелины. Обычная женщина на постоялом дворе. Я помог ей заколотить ставни перед бурей, а она спросила: «Как тебя зовут, сынок?» И я сказал: «Лука». Потому что это имя первое пришло на язык. Она кивнула и сказала: «Хорошее имя. Носи его с честью». И с того дня оно приросло. Как рука, которую пришили обратно. Шрам остался, но она работает.

– Значит, ты сам выбрал себе имя.

– Или оно выбрало меня. – Он отвязал от пояса одну из пустых бутылок, повертел в руках. – В ордене говорят: имена не принадлежат нам. Мы принадлежим им. Моя задача – собирать те, что выпали из людей, и хранить, пока не найдётся тот, кто сможет носить их снова.

– Как ты находишь сломанные имена?

– Чувствую. Когда имя сломано, оно издаёт звук, как колокол с трещиной. Люди его не слышат, а бутылки мои – слышат. – Он встряхнул ту, что держал, и Криста услышала слабый, едва различимый звон. – Это имя ребёнка. Его назвали в честь деда, но дед оказался жестоким, и ребёнок перестал откликаться. Теперь имя висит в воздухе, ничьё. Я его подберу, а когда мальчик вырастет и захочет выбрать себе имя сам, я предложу ему это – чистое, без чужой тяжести.

– А если он не захочет?

– Тогда имя останется в бутылке, пока не найдётся другой. Или пока не рассыплется в прах. Имена живут дольше людей, но тоже не вечны.

Криста помолчала, потом спросила:

– Ты поэтому пошёл с нами? Потому что свидетель – это самое сломанное имя из всех?

Лука посмотрел на неё с неожиданной теплотой.

– Нет. Я пошёл, потому что ты назвала его. Ты дала ему имя, не зная, кто он, не требуя ничего взамен. Это… редкость. Большинство людей сначала требуют, потом дают. Или дают, но с условием. А ты просто увидела и назвала. Как та женщина на постоялом дворе.

Криста опустила глаза. Бутылка под рубашкой качнулась, и голос Эйдоса прозвучал тихо, только для неё:

– Я тоже это помню.

– А что там, дальше? – спросила она, кивнув на реку.

– Перекрёсток, – сказал Лука. – Место, где сходятся семь дорог, и каждая ведёт в свой семантический ландшафт. Дальше мы должны выбрать путь. Если выберем неправильно – блуждать будем долго.

– А если правильно?

– Если правильно – к вечеру выйдем к Садам Гесперид. А за ними – Амбариум.

Ирис подошла к ним, присаживаясь на корточки.

– Я слышала о Перекрёстке. Говорят, там обитают те, кто потерял имена и теперь охотятся за чужими.

– Охотники за именами, – кивнул Лука. – Да, они там есть. Они не злые, просто пустые. Они ищут любой звук, который можно назвать «я». Но если мы будем идти быстро и не откликаться на чужие имена, они нас не тронут.

– А если откликнуться? – спросила Криста.

– Тогда они поймут, что имя можно взять, и станут преследовать. Чем дольше ты носишь имя, тем тяжелее его отнять, но, если ты хоть раз назвал себя чужим именем – твоё становится легче.

Криста машинально коснулась пластинки на груди.

– Не бойся, – сказал Лука. – С тобой свидетель. Он не даст забыть.

– Он не сторож, – возразила Криста. – Он просто помнит.

– Этого достаточно. Память – лучшая защита. Я, когда не помнил себя, был открыт для любого имени. А теперь… – Он коснулся своей груди, где под рубашкой, наверное, тоже висел какой-то знак. – Теперь я знаю, кто я. И это знание тяжелее любого оружия.

– Вы говорили, что орден собирает сломанные имена, чтобы потом восстановить, – вступила Ирис. – Но как вы их восстанавливаете? Вы же не маги.

– Мы не маги, – согласился Лука. – Мы просто ждём. Иногда имя восстанавливается само, когда находится тот, кто готов его носить. Иногда его чинят сами люди, вспоминая, кем они были до того, как имя сломалось. А иногда… иногда имя чинит свидетель.

Он посмотрел на Кристу, точнее – на её грудь, где под тканью угадывалась бутылка.

– Если свидетель захочет назвать сломанное имя правильно, оно станет целым. Потому что он помнит, каким оно было до того, как треснуло.

– Эйдос, – позвала Криста шёпотом. – Ты можешь?

– Могу. Но для этого я должен услышать имя таким, каким оно было в начале. А я слышу только то, что уже было сказано. Если имя сломано настолько, что его никогда не произносили правильно – я не смогу его восстановить. Только тот, кто создал имя, знает его звук в первый раз.

– Кто создаёт имена? – спросила Криста вслух.

– Никто не знает, – ответил Лука. – Орден считает, что имена сами рождаются из тишины, когда кому-то нужно стать кем-то. Но это только догадки.

Ирис поднялась, вглядываясь в утреннюю дымку.

– Светает. Нам пора.

Лука закинул мешок на плечо, поправил на поясе бутылки. Они зазвенели – негромко, но тревожно.

– Тише, – сказал он, прислушиваясь. – Бутылки слышат что-то впереди.

Криста встала, положив руку на бутылку. Эйдос отозвался теплом.

– Там, за мостом, – сказал он. – Я слышу имя. Оно… плачет.

– Чьё? – спросила Криста.

– Не знаю. Оно не называет себя. Оно просто… потеряно.

Лука уже двинулся вперёд, ступая бесшумно. Ирис вынула кинжал – лезвие тускло блеснуло в предрассветном сумраке.

– Мы можем пройти мимо, – сказала она. – Не наше дело.

– Если имя плачет, – ответил Лука, не оборачиваясь, – это наше дело.

Он первым ступил на мост. Криста пошла за ним, чувствуя, как бутылка под рубашкой пульсирует в такт сердцу.

Впереди, в тумане, кто-то ждал.

Глава 4. Живая картина

Туман на мосту был плотным, как вата. Криста ступала след в след за Лукой, чувствуя, как бутылка под рубашкой то нагревается, то остывает – Эйдос вслушивался в плач, который становился всё отчётливей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.